

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция
(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс
(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Порядок и способы проверки сообщений о преступлениях»

Студент

А.В. Башинский

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, О.А. Кожевников

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Росдистант
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Понятие и значение этапа проверки сообщения о преступлении в контексте стадии возбуждения уголовного дела	8
1.1 Понятие и значение стадии возбуждения уголовного дела.....	8
1.2 Сообщение о преступлении, как повод для возбуждения уголовного дела	11
1.3 Понятие и значение проверки сообщения о преступлении	18
Глава 2 Общая характеристика процессуального порядка рассмотрения сообщения о преступлении	23
2.1 Нормативная регламентация процессуального порядка рассмотрения сообщения о преступлении	23
2.2 Субъекты проверки сообщения о преступлении	28
Глава 3 Анализ способов проверки сообщения о преступлении	37
3.1 Получение объяснений и образцов для сравнительного исследования	37
3.2 Истребование, изъятие, исследование предметов и документов; исследование трупов	44
3.3 Производство документальных проверок и ревизий	55
3.4 Производство осмотра, освидетельствования и судебной экспертизы.....	57
3.5 Производство оперативно-розыскных мероприятий	60
Заключение	65
Список используемой литературы и используемых источников.....	73

Введение

Актуальность исследования. Досудебное производство пользовалось и продолжает пользоваться заслуженным вниманием со стороны учёных и практиков. И это касается, конечно же, и первоначального – иницирующего уголовно-процессуальную деятельность этапа, именуемого в уголовно-процессуальной науке «возбуждение уголовного дела».

Именно он был и остаётся предметом многочисленных научных дискуссий и это не случайно, с учётом своего места в системе стадий уголовного судопроизводства. Именно на этом этапе происходит (или не происходит) переход от непроцессуальной деятельности, остающейся фактически за границами производства по уголовному делу, к деятельности процессуальной, сопряжённой с возможностью широкого применения всего инструментария уголовного судопроизводства, включая меры уголовно-процессуального принуждения.

Именно на этом этапе приходит в движение обусловленный законодательно уголовно-процессуальный механизм и активизируется возможность применения государственного принуждения к участникам уголовно-процессуальных отношений, обладающих соответствующим процессуальным статусом, а значит – правами, обязанностями и ответственностью.

Те нормативные изменения, что были произведены законодателем в последние годы, относительно норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [51] (УПК РФ), создали предпосылки для значительного расширения процессуальных возможностей должностных лиц, в контексте принятия решения об обоснованном возбуждении уголовного дела. Тем не менее, фрагментарность и не достаточная последовательность таких изменений стали причиной проблем в правоприменительной практике. Пробельность современного регулирования проверки сообщений о

преступлениях и абстрактность многих ключевых предписаний актуализирует исследования в данном направлении.

Степень разработанности темы. При написании работы использовались труды таких учёных как: Быков В.М., Ващенко М.В., Волколуп О.В., Гаврилюк Я.П., Григорьев В.Н., Косенко А.М., Лазарев В.А., Мамонов В.С., Мартыненко С.Б., Судницын А.Б. и многих других.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе проверки сообщения о преступлении в уголовном процессе.

Предметом исследования является круг теоретических и практических вопросов, которые связаны с проверкой сообщения о преступлении на этапе возбуждения уголовного дела.

Цель исследования: рассмотреть и охарактеризовать порядок и способы проверки сообщения о преступлении.

Задачи исследования:

- определить понятие и значение стадии возбуждения уголовного дела;
- проанализировать сообщение о преступлении в качестве повода для возбуждения уголовного дела;
- определить понятие и значение проверки сообщения о преступлении;
- дать общую характеристику процессуального порядка рассмотрения сообщения о преступлении;
- проанализировать способы проверки сообщения о преступлении и выработать предложения, направленные на совершенствование существующего правового регулирования.

Методологическая основа исследования: всеобщий диалектический метод познания, а также общие и частные методы научного исследования:

формально-логический, системный, конкретно-социологический, статистический метод познания и т.д.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты данного исследования могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях по данной проблематике.

Степень разработанности темы исследования. Вопросы, связанные с проверкой сообщений о преступлениях в рамках этапа возбуждения уголовного дела, привлекали внимание исследователей в разное время, включая советский период развития отечественного уголовно-процессуального права. Стоит выделить труды таких авторов как: Быков В.М., Григорьев В.Н., Мартыненко С.Б., Судницын А.Б., Чернышев М.А. и других.

Апробация и внедрение результатов работы велись в течение всего исследования. Отдельные его результаты нашли отражение в следующей публикации: Башинский А.В. Производство документальных проверок и ревизий, как способ проверки сообщения о преступлении // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2020. Т. 1. № 3 (42).

Положения, выносимые на защиту:

- Сформулировано авторское определение проверки сообщения о преступлении, под которым следует понимать деятельность дознавателя, органа дознания, следователя, или руководителя следственного органа, осуществляемую предусмотренными в УПК РФ способами и направленную на удостоверение в установленный срок наличия, либо отсутствия в сообщении о преступлении признаков уголовно-наказуемого деяния.
- В целях совершенствования нормативного регулирования получения образцов для сравнительного исследования в рамках проверки сообщения о преступлении, представляется целесообразным внести изменения в ч. 1 ст. 202 УПК РФ и

изложить её в следующей редакции: «Следователь вправе получить образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, а также в соответствии с частью первой статьи 144 настоящего Кодекса у иных физических лиц и представителей юридических лиц в случаях, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на определённом объекте, и составить протокол в соответствии со статьями 166 и 167 настоящего Кодекса, за исключением требования об участии понятых. Получение образцов для сравнительного исследования может быть произведено до возбуждения уголовного дела – в этом случае получение образцов для сравнительного исследования осуществляется на добровольной основе».

- Относительно такого способа проверки сообщения о преступлении, как исследование трупа, представляется целесообразным разграничить ситуации, с учётом положений ст. 196 УПК РФ, при которых должна назначаться судебная экспертиза трупа и ситуации, при которых возможно производство исследования трупа, путём внесения изменений в ч. 1 ст. 144 УПК РФ следующего содержания (выделено курсивом): «Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим

Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов (для решения вопросов, не связанных с установлением причины смерти), привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий».

Структура исследования включает в себя введение, основную часть работы, имеющую разделение на три главы (каждая из которых, в свою очередь, разделена на отдельные параграфы), заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие и значение этапа проверки сообщения о преступлении в контексте стадии возбуждения уголовного дела

1.1 Понятие и значение стадии возбуждения уголовного дела

Стадия возбуждения уголовного дела традиционно имеет место в общей целостной структуре стадий российской уголовно-процессуальной деятельности, сохраняясь в данном качестве и в ходе реформирования многих норм и институтов УПК РФ.

Данная стадия является первичной стадией досудебного производства, а также первичной среди всех выделяемых в науке стадий производства по делу. Итоговым процессуальным решением, которым заканчивается данная стадия определяется – будет инициировано производство по конкретному делу, или же нет.

В связи с этим, как обоснованно указывается специалистами, «сущность стадии возбуждения уголовного дела проистекает из ее основной цели – установления основания для возбуждения либо отказа в возбуждении уголовного дела и проявляется в проверке сообщения о преступлении, включающей в себя правовую оценку установленных обстоятельств с точки зрения наличия либо отсутствия основания для возбуждения уголовного дела» [23, с. 162].

То есть, целью рассматриваемого этапа производства по уголовному делу выступает фиксация основания для возбуждения уголовного дела, либо отказа в возбуждении уголовного дела.

В этой связи, понятие рассматриваемой стадии можно сформулировать следующим образом: «стадия возбуждения уголовного дела – это самостоятельный первоначальный этап досудебного производства, в ходе которого, уполномоченное должностное лицо, при наличии повода к

возбуждению уголовного дела, устанавливает основание для возбуждения уголовного дела, либо отказа в его возбуждении».

В науке указывается, что правоприменитель далеко не всегда правильно понимает цель стадии возбуждения уголовного дела, превращая её в «квазирасследование до предварительного расследования» [25, с. 586], в связи с тем, что должностное лицо, уполномоченное принять решение об инициации производства по уголовному делу, вместо установления достаточных данных, указывающих на признаки преступления, устанавливает обстоятельства, подлежащие доказыванию. Такой подход представляется ошибочным.

Появление доказательств на данном этапе, конечно же, возможно, но не является целью деятельности в стадии возбуждения уголовного дела. В этой связи, теоретически, можно принять доводы, высказываемые в науке [22, с. 162] о целесообразности нормативного определения цели обозначенной стадии, однако, острой необходимости в этом, всё же, нет.

Как представляется, значение анализируемой стадии проявляется сразу в нескольких плоскостях, имея не только чисто уголовно-процессуальное, но и экономико-материальное, а также социальное содержание.

Рассмотрим данные аспекты в их последовательности.

С позиций уголовного судопроизводства значение анализируемого этапа уголовно-процессуальной деятельности состоит в определяющей роли того самого «разграничителя», который предварительно разделяет ситуации, содержащие признаки преступления и ситуации, таких признаков не содержащие, обуславливая разумную процессуальную экономию, ведь должностным лицам, обладающим властными полномочиями, нет необходимости предпринимать соответствующие процессуальные усилия, включая применение мер государственного принуждения, по всем случаям появления сообщений о преступлениях. Тем самым, есть возможность

сконцентрировать усилия на случаях требующих такого внимания и содержащих признаки противоправного, уголовно-наказуемого деяния.

Как отмечается отдельными авторами, значение стадии возбуждения уголовного дела предопределяет сводится «не только к процессуальной, но и к материальной экономии. Материальные затраты государства значительны и выражаются как в прямых расходах, направленных на обеспечение уголовного судопроизводства, например, на оплату многочисленных исследований, канцелярских товаров и офисных расходных материалов, труда работников правоохранительных органов, оплату труда работников и материальных затрат других органов и организаций, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства, так и в косвенных, возникающих из-за использования сил и средств и приводящих в итоге к реабилитации, нарушению права на разумный срок уголовного судопроизводства и пр.» [68, с. 31]

Обоснованный отказ от возбуждения уголовного дела стоит на страже гарантированных Конституцией РФ прав личности от их незаконного ограничения, что является важной социальной составляющей значения рассматриваемой стадии. Личность и государство находятся в неравном положении, а существующие на вышеназванном этапе механизмы позволяют, в определённой мере, сгладить эти различия.

Как верно указывает В.А. Лазарев: «Решение о возбуждении уголовного дела означает официальное объявление компетентными государственными органами о своевременном реагировании и начале производства по расследованию обстоятельств обнаруженного преступления» [26].

Обоснованная инициация уголовного преследования выступает своего рода объективным и публичным подтверждением того, что государство следует принятым на себя обязательствам, относительно защиты интересов личности, общества и государства в связи с совершением преступления.

Более того, государство последовательно и чётко реагирует на факты противоправного поведения и реакция государства неотвратима, независимо от последующей формы такой реакции (освобождение от уголовной ответственности, применение наказания по приговору суда и т.д.).

Несмотря на то, что проанализированный этап не включён законодателем ряда зарубежных стран в контекст производства по уголовным делам, о чём пишут исследователи [1]-[6], в Российской Федерации данный этап продолжает сохраняться, несмотря на продолжаемые дискуссии по этому вопросу.

Сказанное предопределяет вывод о необходимости не только сохранения возбуждения уголовного дела в качестве самостоятельного этапа, но и совершенствования его нормативных основ на пути укрепления законности досудебного производства.

1.2 Сообщение о преступлении, как повод для возбуждения уголовного дела

Несмотря на то, что законодатель связывает решение процессуально значимого вопроса о инициации уголовного преследования с наличием повода и основания для этого процессуального акта, наименование ст. 144 УПК РФ сформулировано как «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении», а не, например, как «Порядок рассмотрения информации, содержащейся в поводе для возбуждения уголовного дела», что представляется несколько более логичным, если исходить из нормативного содержания ст. 140 УПК РФ.

Тем не менее, если обратить внимание на содержание понятия «сообщение о преступлении», раскрываемое законодателем в ч. 43 ст. 5 УПК РФ, то увидим, что данной категорией объединяются все поводы для возбуждения уголовного дела, упоминаемые в ст. 140 УПК РФ.

На аналогичном толковании построено содержание и многочисленных ведомственных подзаконных актов, регулирующих порядок приёма и регистрации сообщений о преступлениях, к числу которых можно отнести: Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 г. «О едином учете преступлений» [38]; Приказ МВД России от 29.08.2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» [40]; Приказ ФТС России от 12.01.2007 г. № 23 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и проверки в таможенных органах Российской Федерации сообщений о преступлениях» [45]; Приказ Минюста России от 11.07.2006 г. № 250 «Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах Уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях» [42]; Приказ СК России от 11.10.2012 г. № 72 «Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации» [43]; Приказ ФСБ РФ от 16.05.2006 г. № 205 «Об утверждении Инструкции по организации в органах Федеральной службы безопасности приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иной информации о преступлениях и событиях, угрожающих личной и общественной безопасности» [44] и др.

В этой связи, правомерно говорить о любом поводе для возбуждения уголовного дела, как о сообщении о преступлении, подлежащем проверке в порядке, установленном ст. 144 УПК РФ.

Каковы же разновидности сообщений о преступлениях? Они перечислены в ч. 1 ст. 140 УПК РФ – это: «1) заявление о преступлении;

2) явка с повинной; 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников; 4) постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании».

Далее дадим общую характеристику рассмотренным выше вариациям сообщений о преступлениях, начав с заявления о преступлении.

Заявление о преступлении является очень распространённой формой сообщения о преступлении. Данное заявление может производиться как в устной, так и в письменной форме, в зависимости от ситуации. В ст. 141 УПК РФ конкретизированы требования к заявлению в письменной форме, а что касается заявления в устной форме, то его оформление осуществляется посредством занесения в протокол. Заявление должно «содержать данные о заявителе, а также о документах, удостоверяющих личность заявителя».

В качестве необходимого условия принятия такого заявления законодатель указывает предупреждение об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, о чем, в соответствии с ч. 6 ст. 141 УПК РФ, «в протоколе делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя».

Анализ этого положения позволяет сделать вывод о том, что заявление о преступлении, как разновидность сообщения о преступлении, в обязательном порядке содержит информацию о том, от кого оно поступило, т.е. информацию, конкретизирующую заявителя, в качестве которого выступает только физическое лицо. Юридическое лицо в указанном качестве выступить не в состоянии.

В тех случаях, когда речь идёт о причинении ущерба преступлением юридическому лицу, что влечёт его дальнейшее вовлечение в процесс производства по уголовному делу в процессуальном статусе потерпевшего (в соответствии со ст. 42 УПК РФ), заявитель всё равно будет лицом физическим.

В первую очередь, такой порядок связан с невозможностью последующего привлечения юридического лица к ответственности за заведомо ложный донос, ведь, несмотря на наличие соответствующих предложений в науке, субъектом преступления (равно, как подозреваемым и обвиняемым) в Российской Федерации может быть лишь лицо физическое.

Поэтому к заявлению в письменной форме предъявляется только одно формальное требование – в соответствии с ч. 2 ст. 141 УПК РФ оно должно быть подписано заявителем. Сошлемся в этом случае на объяснение, данное К.Ф. Гуценко: «Закон стремится обеспечить реальную возможность каждому гражданину, иностранцу или лицу без гражданства беспрепятственно, «без соблюдения формальностей» сделать сообщение о готовящемся, совершаемом или совершенном, с его точки зрения, преступлении и тем самым оказать содействие в выявлении преступления и его раскрытии» [53, с. 283].

Одним из поводов к возбуждению уголовного дела является явка с повинной, которая в соответствии с ч. 2 ст. 142 УПК РФ может быть сделана как в письменном, так и в устном виде. При этом устное заявление принимается и заносится в протокол в порядке, установленном ч. 3 ст. 141 настоящего Кодекса.

Следует отметить, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в одном из своих постановлений указал, что «когда в ходе проверки сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ, подсудимый обращался с письменным или устным заявлением о явке с повинной, и сторона обвинения ссылается на указанные в этом заявлении сведения как на одно из доказательств его виновности, суду надлежит проверять, в частности, разъяснялись ли подсудимому при принятии от него такого заявления с учетом требований части 1.1 статьи 144 УПК РФ права не свидетельствовать против самого себя, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения

органов предварительного расследования в порядке, установленном главой 16 УПК РФ; была ли обеспечена возможность осуществления этих прав» [37].

Пленум Верховного Суда РФ, по сути дела, проецирует действие ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ и на получение явки с повинной. Это имеет очевидный смысл, в контексте обеспечения прав личности и исключения возможностей для оказания неправомерного давления на данных лиц, что потенциально может повлечь самооговор. Следовательно, учёт позиции Пленума Верховного Суда РФ должно способствовать повышению достоверности подобных заявлений.

Обращает на себя внимание определённая непоследовательность законодателя в определении в качестве повода «сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученном из иных источников», поскольку, говоря о рассматриваемой категории в рамках ст. 143 УПК РФ, законодатель называет данный повод «рапорт об обнаружении признаков преступления», а раскрывая содержание понятия «сообщение о преступлении» в ч. 43 ст. 5 УПК РФ, законодатель говорит уже о «рапорте об обнаружении преступления», что вызывает недоумение. Что же мы должны рассматривать в качестве одного из поводов для возбуждения уголовного дела: «сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников», «рапорт об обнаружении признаков преступления», или же «рапорт об обнаружении преступления»?

С точки зрения информативного наполнения, любой из поводов – это сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, но спецификой анализируемого повода является то, что независимо от того, что стало источником поступления такой информации, она оформляется в виде рапорта должностного лица. Исходя из данной определяющей характеристики, было бы правильным именовать «рапорт». Но какой рапорт – об обнаружении преступления, или же об обнаружении его признаков? С учётом того, что

вывод о наличии преступления на этапе возбуждения уголовного дела лишь предположительный и состоит в «наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления» (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), то и повод для возбуждения уголовного дела должен звучать как «рапорт об обнаружении признаков преступления», что совпадает с наименованием ст. 143 УПК РФ.

Соответственно, для создания терминологического единства, в ч. 43 ст. 5 УПК РФ вместо оборота «рапорт об обнаружении преступления», следует включить оборот «рапорт об обнаружении признаков преступления»; соответственно, на аналогичный оборот в п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ следует заменить используемый законодателем оборот «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников».

Благодаря принятию Федерального закона от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» [60] имеющийся в УПК РФ перечень поводов для возбуждения уголовного дела пополнился новой нормой, предусматривающей в качестве дополнительного повода постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Появление в тексте УПК РФ и, как следствие того, в правоприменительной практике, такого вида сообщения о преступлении, в науке, во многом, оценивается критически – в особенности при взгляде на вопрос сквозь призму «урезания» процессуальных полномочий прокурора как участника уголовного процесса. В.Н. Григорьев полагает, что формулирование нового повода стало, своего рода ответным шагом на критические мнения, относительно реформирования прокурорских полномочий: «полномочие на возбуждение уголовных дел не возвращено, но

указанное мотивированное постановление прокурора в законодательном порядке признано самостоятельным поводом для возбуждения уголовного дела» [16, с. 46].

Отдельные специалисты выражаются ещё более резко, считая, что «более неразумное положение нового закона просто трудно придумать. Вместо того, чтобы иметь право лично возбудить уголовное дело и направить его следователю для расследования, прокурор вынужден просить следователя о возбуждении уголовного дела. Законодателю следовало предоставить право прокурору самому принимать решения о возбуждении уголовного дела, а не возводить в УПК малообоснованные новые процессуальные конструкции в виде нового повода для возбуждения уголовного дела» [9, с. 49-53].

В определённой мере, данные критические высказывания обоснованы, поскольку прокурор ставится в весьма специфическое положение, при котором, будучи наделённым властными полномочиями и осуществляющим уголовное преследование, прокурор, при появлении у него информации о готовящемся или совершённом преступлении, не может инициировать возбуждение уголовного дела, а может лишь передать данную информацию, оформив вышеназванное постановление, в орган, уполномоченный инициировать уголовное преследование.

При всём вышесказанном, рассматриваемый повод не создаёт для следователя или дознавателя обязанность непременно возбудить уголовное дело, даже если прокурор считает это необходимым.

«Получение следователем постановления прокурора с соответствующими материалами еще не предопределяет положительное решение вопроса о возбуждении уголовного дела по этим материалам» [9, с. 50] - указывается учёными.

То есть, анализируемый источник информации о предполагаемом преступлении ничем по своим процессуальным последствиям, по сути, не

отличается от остальных поводов, возникновение которых ещё не предопределяет наличие основания для возбуждения уголовного дела, в качестве которого в ч. 2 ст. 140 УПК РФ законодатель называет «наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления».

Некоторые авторы, соглашаясь с наличием обозначенного повода в тексте УПК РФ, считают, что «возбуждение уголовного дела при получении соответствующего постановления прокурора должно осуществляться на практике автоматически без проведения предварительной проверки» [50, с. 88].

Тем не менее, прокурор, хотя и является компетентным должностным лицом со стороны обвинения, в то же самое время, остаётся лишённым возможности произвести тот спектр полномочий, что включён в ст. 144 УПК РФ.

Таким образом, мнение прокурора относительно признаков совершённого преступления останется лишь мнением (аналогично мнению заявителя или лица, явившегося с повинной и т.д.) до того момента, пока должностное лицо, имеющее возможность принять решение о возбуждении уголовного дела, не придёт к выводу, на основе произведённой проверки, о наличии основания для инициации уголовного преследования.

Анализ отдельных разновидностей сообщения о преступлении и необходимости на основе полученных сведений сформулировать процессуально-значимый вывод, приводит нас к анализу ключевого вопроса о сущностном значении проверки сообщения о преступлении.

1.3 Понятие и значение проверки сообщения о преступлении

В первую очередь, заслуживает внимания вопрос понятия института проверки сообщения о преступлении. УПК РФ оперирует такими речевыми

конструкциями, как «проверка сообщений» и «рассмотрение сообщений» о преступлениях.

В ряде публикаций, посвящённых анализируемому кругу вопросов, авторы используют обороты «предварительная проверка сообщения о преступлении» и «доследственная проверка сообщения о преступлении», что видится не вполне обоснованным.

Словосочетание «доследственная проверка» не применим, так как не имеет какой-либо обусловленности предстоящим расследованием – наоборот, он может предшествовать ему. Таким образом, указание на некую «доследственность» приемлем, в связи с чем это видится излишним.

Что же касается традиционного и используемого законодателем оборота «проверка сообщения о преступлении» - он видится наиболее удачным и отвечающим содержанию рассматриваемой категории, исходя из семантического толкования понятия «проверка».

«Проверить – удостовериться в правильности чего-либо» [35, с. 524] – указывается в словаре русского языка. Таким образом, данная категория включает в себя и осуществление комплекса проверочных действий, и саму юридическую оценку полученных итогов с позиций достижения процессуально значимого результата.

Проверка сообщения о преступлении проводится только специально уполномоченными субъектами, перечисленными в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, к числу которых относятся: дознаватель, орган дознания, следователь, а также руководитель следственного органа.

Проверка осуществляется посредством лишь тех способов, которые предусмотрены УПК РФ. К их числу относятся:

- получение объяснений и образцов для сравнительного исследования;
- получение, истребование, изъятие, исследование предметов и документов;

- исследование трупов;
- производство документальных проверок и ревизий;
- производство осмотра, освидетельствования и судебной экспертизы;
- производство оперативно-розыскных мероприятий.

Следует отметить, что изначально в ст. 144 УПК РФ законодатель вообще никак не обозначил перечень проверочных действий, оставляя их, видимо, на усмотрение правоприменителя. Тем не менее, в дальнейшем, посредством внесения изменений в данную норму, перечень проверочных действий всё же был сформулирован, а после дополнен и расширен.

Кроме того, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ указано на срочный характер такой проверки (по общему правилу проверка должна проводиться в течение 3 суток, при наличии необходимости, этот срок может продлеваться до 10, или максимум до 30 суток).

Исходя из сказанного, с учётом положений ч. 1 ст. 144 УПК РФ, а также цели стадии возбуждения уголовного дела, понятие проверки сообщения о преступлении следует сформулировать следующим образом: проверка сообщения о преступлении – это деятельность дознавателя, органа дознания, следователя, или руководителя следственного органа, осуществляемая предусмотренными в УПК РФ способами и направленная на удостоверение в установленный срок наличия, либо отсутствия в сообщении о преступлении признаков уголовно-наказуемого деяния.

Что же касается значения проверки сообщений о преступлениях, то переоценить данный институт весьма сложно, так как именно он позволяет обеспечить экономию процессуальных ресурсов и не подвергать права и свободы личности необоснованному и излишнему правограничению тогда, когда для этого нет объективных оснований.

Как правильно указывает О.В. Волколуп, «предварительная проверка является сутью, основой стадии возбуждения уголовного дела» [13, с. 78].

Осуществление такой проверки, несомненно, должно способствовать объективности процессуальной деятельности с одной стороны, а с другой – является действенным инструментом обеспечения защиты интересов личности от необоснованного правоограничения.

В качестве хотя и побочного, но достаточно важного аспекта значения института проверки сообщения о преступлении, можно назвать обнаружение и сохранение в процессуальном порядке сведений, имеющих доказательственное значение, поскольку проверка сообщения о преступлении максимально приближена к моменту совершения противоправного деяния, что позволяет рассчитывать, с одной стороны, на обнаружение самих признаков противоправного деяния, с другой стороны – снизить риск утраты потенциальных доказательств, путём их своевременного обнаружения и процессуального закрепления в том качестве, которое предусмотрено ст. 74 УПК РФ. Не случайно законодатель считает допустимым использовать для проверки сообщения о преступлении отдельных следственных действий. К таковым УПК РФ относит лишь осмотр, освидетельствование и судебную экспертизу. Как известно, основным назначением производства следственных действий является собирание доказательств.

Однако, следует помнить, что собирание доказательств не является целью производимой проверки сообщения о преступлении (равно, как и общего этапа возбуждения уголовного дела).

Для должностного лица, уполномоченного возбудить уголовное дело, цель производимой проверки сводится к обоснованию вывода о присутствии признаков совершения преступления, что создаёт законную возможность инициации преследования и последующего полноценного расследования, содержанием которого является собирание, проверка и оценка доказательств.

Поэтому важно понимать общий ориентирующий характер тех сведений, что становятся результатом проверки сообщения о преступлении.

В этой связи также заметим, что квалификация на данном этапе самого деяния далеко не всегда окончательная и может претерпеть изменения уже в дальнейшем – на этапе предварительного расследования, когда в распоряжении следователя окажутся доказательства, подтверждающие наличие, к примеру, квалифицированного состава преступления, что влечёт необходимость переквалификации деяния уже по другой части соответствующей статьи УК РФ.

Как верно отмечается исследователями: «окончательная квалификация деяния при предъявлении обвинения может быть отлична от первоначальной, что обусловлено особенностями стадии возбуждения уголовного дела, на которой нет необходимости в установлении всех фактических обстоятельств преступления, всех признаков состава преступления, влияющих на квалификацию» [22, с. 163].

Подводя итог данной главы, следует сделать ряд выводов: несмотря на критические мнения, сделан вывод о необходимости сохранения в качестве самостоятельного этапа производства по делу возбуждения уголовного дела, а также совершенствования его нормативных основ на пути укрепления законности досудебного производства.

Как представляется, то внимание, что уделяется в науке этапу возбуждения уголовного дела и его составляющей – проверке сообщения о преступлении, свидетельствует о значимости комплекса способов осуществления такой проверки в контексте обеспечения законности инициации уголовно-процессуальной деятельности.

Далее проанализируем существующий в действующем уголовно-процессуальном законодательстве порядок рассмотрения сообщения о преступлении.

Глава 2 Общая характеристика процессуального порядка рассмотрения сообщения о преступлении

2.1 Нормативная регламентация процессуального порядка рассмотрения сообщения о преступлении

Процессуальному порядку рассмотрения сообщения о преступлении посвящены положения главы 19 УПК РФ. Действующая в настоящий момент процессуальная регламентация – является результатом длительной эволюции ряда нормативных положений, затрагивающих данную сферу.

В своей первоначальной редакции, положения ст. 144 УПК РФ, содержащей основной комплекс положений, касающихся непосредственно рассмотрения сообщения о преступлении, были весьма лаконичны, если не сказать абстрактны, а о содержании способов, посредством которых могут быть проверены сообщения о преступлении, можно было сделать лишь путём анализа положений иных норм УПК РФ, применительно к стадии возбуждения уголовного дела.

Изначально, при нормативном регулировании осуществления проверки сообщения о преступлении, законодатель непосредственно не конкретизировал процессуальную возможность осуществления осмотра, освидетельствования или судебной экспертизы именно в целях такой проверки.

Как верно отмечается некоторыми авторами, «в ч. 4 ст. 146 УПК РФ, регламентирующей возбуждение уголовного дела публичного обвинения, осмотр места происшествия, освидетельствование и назначение судебной экспертизы были заключены в скобки, упоминалось о них как бы между прочим, вскользь - в контексте требования о представлении материалов предварительной проверки вместе с постановлением о возбуждении уголовного дела прокурору для принятия им решения о даче согласия на

возбуждение уголовного дела. В ч. 2 ст. 176 УПК РФ, посвященной основаниям производства осмотра, содержалось указание на возможность проведения осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела в случаях, не терпящих отлагательства. При этом в нормах уголовно-процессуального закона, регламентирующих порядок производства освидетельствования (ст. 179 УПК РФ), а также порядок назначения и производства судебной экспертизы (гл. 27 УПК РФ), указание на допустимость проведения данных следственных действий до возбуждения уголовного дела отсутствовало» [30, с. 99].

Подобная непоследовательность законодателя привела к неоднозначному толкованию, что никак не способствует единообразию в деятельности правоприменителя.

Шаг в направлении регламентации процесса проверки сообщений о преступлениях был сделан законодателем в 2003 г. [55], когда в ст. 144 УПК РФ были внесены изменения, позволяющие соответствующим должностным лицам в ходе проверки требовать производства документальных проверок, ревизий и привлекать к участию в них специалистов. Также была установлена нормативная возможность продления срока проверки сообщения о преступлении до 30 суток при необходимости проведения документальных проверок или ревизий.

В очередном дополнении ст. 144 УПК РФ [56] законодателем используется конструкция, включающая указание на право «требовать» проведения перечисленных проверочных действий, что вышло довольно странно без указания на саму процессуальную возможность проведения указанных мероприятий.

Как верно указывается в научных публикациях, «более корректным явилось бы закрепление в ст. 144 УПК РФ не требования о производстве, а самого производства указанных проверок, ревизий и исследований по

требованию рассматривающих сообщение о преступлении органов и должностных лиц» [12, с. 141].

Знаковыми стали изменения, внесённые законодателем в ст. 144 УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [54], посредством которых законодатель конкретизировал, расширил, детализировал и упорядочил способы проверки сообщений о преступлениях.

Относительно процессуального регулирования исследуемого спектра вопросов, следует отметить и появление в ст. 144 УПК РФ части 1.1, в рамках которой регламентированы вопросы обеспечения реализации законных прав и интересов лиц, вовлекаемых в процедуру проверки сообщения о преступлении, что является, несомненно, положительным моментом.

До появления рассматриваемой нормы, вопрос защиты прав и интересов личности на этапе проверки сообщения о преступлении не был должным образом урегулирован. Оставался открытым вопрос реализации права на квалифицированную юридическую помощь и т.д.

Также в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ отражена возможность предупреждения соответствующих лиц о неразглашении ставших известными данных в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ – ранее подобной нормы, предусматривающей возможность защиты данных, интересующих следствие от несанкционированного разглашения до принятия решения о возбуждении уголовного дела и начала его расследования, законодатель не предусмотрел.

Также в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ были включены меры, направленные на обеспечение безопасности участников проверки сообщения о преступлении: «При необходимости безопасность участника досудебного производства обеспечивается в порядке, установленном частью девятой статьи 166 настоящего Кодекса, в том числе при приеме сообщения о преступлении».

Обозначенные корректировки положений УПК РФ стали ответом на многочисленные критические замечания, звучащие на страницах научных публикаций.

В частности, ещё в 2006 г. отдельными авторами поднимался вопрос необходимости «предупреждения лиц на этапе проверки сообщения о преступлении об уголовной ответственности за разглашение данных досудебного производства» [29, с. 143].

Нельзя не упомянуть и появившуюся в ст. 144 УПК РФ ч. 1.2, посвящённую доказательственному значению сведений, полученных должностными лицами в ходе проверки сообщений о преступлениях.

Позиция законодателя в этом вопросе довольно проста и лаконична: «Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 настоящего Кодекса» (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ).

Речь в указанных нормах идёт о допустимости доказательств. Тем самым, законодатель закладывает процессуальную основу для использования результатов проверки сообщений о преступлениях не только для обоснования процессуального решения о возбуждении уголовного дела, но и для дальнейшего доказывания посредством полученных сведений обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

В рамках ст. 144 УПК РФ законодатель обозначил нормативные сроки проверки сообщения о преступлении. Номинальный срок (3 суток), может продляться (максимально до 30 суток), в зависимости от указанных в норме обстоятельств.

При этом, законодатель сразу оговаривает, что необходимость продления срока проверки до максимально возможного обуславливается необходимостью производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Как отмечается отдельными специалистами, «к числу современных тенденций правового регулирования уголовно-процессуального производства в стадии возбуждения уголовного дела необходимо отнести расширение временных границ предварительной проверки в случаях, когда проводящим ее органам и должностным лицам необходимо привлечение указанных в УПК РФ сторонних сил, средств и непроцессуальных информационных источников» [19, с. 30].

Таким образом, субъект проверки, посредством предусмотренных законом процедур, получает сведения, обосновывающие принятие процессуального решения о возбуждении (либо отказе в возбуждении) уголовного дела.

Побочным результатом производства проверочных действий может явиться формирование доказательств, направленных на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию в ходе последующего этапа производства по уголовному делу, под которым подразумевается этап предварительного расследования – сердцевина досудебного производства по уголовному делу.

Отдельными особенностями обладает проверка сообщения о преступлении, которое было обнародовано в СМИ. Данный порядок предусмотрен ч. 2 ст. 144 УПК РФ. Проверку такого сообщения проводит либо орган дознания (по поручению прокурора), либо следователь (по поручению руководителя следственного органа).

С учётом того, что исходит обозначенная информация от средств массовой информации, соответствующие материалы (документы), содержащие сведения о предполагаемом преступлении, априори, должны быть предоставлены должностному лицу редакцией (главным редактором) того СМИ, которое распространило сообщение о преступлении. Что представляется логичным.

Федеральные законы от 22 октября 2014 г. № 308-ФЗ [58] и от 29 июля 2017 г. № 250-ФЗ [61] дополнили ст. 144 УПК РФ частями 7-9, регулируемыми порядок рассмотрения следователем поступивших из органа дознания сообщений о налоговых преступлениях, предусмотренных ст.ст. 198-199.1 УК РФ, а также о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 199.3 и 199.4 УК РФ, совершаемых в сфере обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

При этом, поскольку указанный обмен информацией инициируется следователем и, прежде всего, преследует цель получения документов, содержащих квалифицированные сведения о наличии или об отсутствии нарушений законодательства о налогах и сборах и (или) об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, необходимых для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, то содержащиеся в ч. ч. 7-9 ст. 144 УПК РФ законодательные установления также можно рассматривать как частный случай предусмотренного ч. 1 ст. 144 УПК РФ истребования документов и предметов.

2.2 Субъекты проверки сообщения о преступлении

В первую очередь, следует указать на достаточную условность такой категории, как «субъекты проверки сообщения о преступлении», с учётом того, что в нормах действующего УПК РФ указанный оборот не используется. По сути, законодатель обращается только к категории «участники уголовного судопроизводства», но круг таковых не идентичен кругу лиц, вовлекаемых в процесс проверки сообщения о преступлении.

Положения ст. 144 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что к ряду субъектов проверки сообщения о преступлении можно относить:

- должностных лиц, уполномоченных производить проверку сообщения о преступлении (дознателя, орган дознания, следователя, руководитель следственного органа);
- прокурора;
- специалиста;
- лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении;
- заявителя;
- адвоката.

Легко заметить, что УПК РФ в разделе II ничего не говорит о таких участниках, как «лицо, участвующее в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении», «заявитель», а также не упоминает адвоката в отрыве от реализуемой им процессуальной роли защитника, либо представителя.

Что касается должностных лиц, уполномоченных производить проверку сообщения о преступлении (дознателя, орган дознания, следователя, руководитель следственного органа), то все они наделены властными полномочиями, посредством реализации которых и предполагается осуществление проверки сообщения о совершённом, либо готовящемся преступлении.

Однако, помимо должностных лиц, уполномоченных производить непосредственно проверку сообщения о преступлении, в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ законодатель упоминает и иных субъектов, наделённых властными полномочиями, чьи действия (бездействие) может стать предметом обжалования – помимо указанных выше, это ещё и начальник подразделения дознания и начальник органа дознания.

Основными субъектами, чей процессуальный статус обуславливает как производство проверки сообщения о преступлении, так и возбуждение уголовного дела и его расследование, являются дознаватель и следователь.

Руководитель следственного органа, помимо возможности осуществлять весь объём процессуальных полномочий следователя, вправе поручить следователю проверить сообщение о преступлении, распространённое в СМИ, а также вправе продлить срок проверки по мотивированному ходатайству следователя до 10, а также до 30 суток.

Правом аналогичного продления срока проведения проверки по мотивированному ходатайству дознавателя обладает начальник органа дознания (продление до 10 суток); правом же продления номинального срока проверки до 30 суток по мотивированному ходатайству дознавателя обладает уже прокурор.

Следует заметить, что прокурор не указан в числе лиц, которые могут произвести проверку сообщения о преступлении (хотя в редакциях ст. 144 УПК РФ до 2007 года он указывался, как участник, наделённый такими полномочиями) – это обусловлено утратой прокурором целого ряда своих полномочий, связанных с уголовным преследованием, в том числе и полномочий, производить проверку сообщения о преступлении. Роль прокурора на данном этапе теперь иная. Положения действующей редакции ст. 144 УПК РФ говорят о том, что прокурор даёт поручение органу дознания о проведении проверки сообщения о преступлении, распространённого в СМИ, продлевает срок проверки до 30 суток (о чём уже говорилось выше), а также, рассматривает жалобы на отказ в приёме сообщений о преступлениях.

В качестве одного из субъектов процедур, связанных с проверкой сообщений о преступлениях, ст. 144 УПК РФ, законодатель называет специалиста, который может привлекаться соответствующими должностными лицами для содействия в производстве проверочных действий.

В этой связи, в науке указывают следующее: «употребление законодателем термина "специалисты" в контексте их привлечения к участию в исследованиях предметов и документов в стадии возбуждения

уголовного дела некорректно, поскольку деятельность специалиста, в отличие от деятельности эксперта, в уголовном судопроизводстве не предполагает проведения каких-либо исследований (ч. 3 ст. 80, ст. 57, ч. 1 ст. 58, ч. 2 ст. 201, ст. 204 УПК РФ)» [28, с. 28].

Для решения данной проблемы, авторы предлагают не использовать в ст. 144 УПК РФ слово «специалист», заменив его на нейтральное и не «привязанное» к конкретному участнику уголовного судопроизводства слово «сведущее лицо».

В принципе, с данным предложением, теоретически, можно было бы согласиться, однако, статус лица, которое бы привлекалось для оказания помощи следователю или дознавателю при производстве проверочных действий стал бы ещё более неопределённым. К тому же, вполне очевидно, что законодатель ориентирует правоприменителя привлекать специалиста к проверке сообщений о преступлениях по аналогии с привлечением специалиста при производстве следственных действий (ст. 168 УПК РФ). Тогда зачем заменять специалиста на некое сведущее лицо без процессуального статуса? Для решения обозначенной выше проблемы можно было бы дополнить ч. 1 ст. 58 УПК РФ указанием на возможность специалиста осуществлять исследование документов, предметов и трупов.

Большую проблему представляет такая категория субъектов проверки сообщения о преступлении как «лиц, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении».

Необходимо помнить, что данные лица, в отличие от полноправных участников стадии предварительного расследования (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или свидетель), не наделены внятным комплексом процессуальных правомочий.

Также следует уделить внимание вопросу реализации права лиц, участвующих в процессуальных действиях при проверке сообщения о преступлении. Перечисляя соответствующие правомочия таких лиц в ч. 1.1

ст. 144 УПК РФ, законодатель останавливается лишь на основных правах: не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников; пользоваться услугами адвоката и приносить жалобы на действия (бездействие) должностных лиц.

В этой связи, некоторые учёные пишут: «наряду с этим не понятно, почему, например, среди прав, предусмотренных для участников проверки, отсутствует право пользоваться родным языком (ст. 18 УПК РФ). Аналогичное значение имеют многие конституционные положения, которые развиваются в отраслевом законодательстве с учетом его специфики. Например, для первоначальной стадии уголовного процесса с точки зрения обеспечения прав – участников проверки весьма важными являются такие положения Конституции РФ, как достоинство личности – охраняется государством (ч. 1 ст. 21), право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23), право на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы гражданина (ч. 2 ст. 24)» [31, с. 150].

Представляется, что законодатель не считает, что у лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, нет данных прав, или что они не важны. Тем более, что казуистичное перечисление широкого комплекса конституционных прав личности в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ вряд ли можно было бы считать целесообразным. Законодатель перечислил лишь некоторые из них, создав тем самым ориентир для правоприменителя. Тем не менее, в силу прямого действия Конституции РФ, иные права, не указанные в анализируемой ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ также могут быть реализованы участниками проверки сообщения о преступлении без каких-либо препятствий.

Множество проблем вызывает вопрос реализации конституционного права на оказание квалифицированной юридической помощи лицам,

участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении.

Данное правомочие, сформулированное достаточно широко в ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, играло и продолжает играть наиболее важную роль именно относительно сферы уголовно-процессуальной деятельности. Включение законодателем в ст. 144 УПК РФ новой части 1.1., в тексте которой упомянуто право «пользоваться услугами адвоката», не создало новацию, однако, подчеркнуло важность реализации рассматриваемого права на этапе проверки сообщения о преступлении в контексте стадии возбуждения уголовного дела.

Из текста ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ очевидно, что соответствие оказываемой юридической помощи критерию квалифицированности законодателем напрямую связывается с обращением за такой помощью к представителям адвокатского сообщества. При этом, указанное положение распространяется на весь спектр лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении. Часть 3 ст. 49 УПК РФ была дополнена законодателем положением о том, что защитник участвует в уголовном деле «с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ» (ч. 3 ст. 49 УПК РФ).

Однако, категория «лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении» не ограничиваются лишь теми субъектами, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении. Тем не менее, применительно к другим участникам обозначенных процессуальных процедур вопрос привлечения адвоката (опять же, не совсем понятно в каком процессуальном качестве, ведь адвокат – не участник уголовного процесса, а лицо, имеющее статус

адвоката, полученный в соответствии с требованиями действующего законодательства) остаётся открытым.

Действующее правовое регулирование содержит ещё один неоднозначный момент: «защитник – лицо, осуществляющее в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу» (ч. 1 ст. 49 УПК РФ).

Другими словами, возникновение такого участника уголовного судопроизводства, как «защитник» связано с моментом возникновения уголовного дела, как такового, а на этапе проверки сообщения о преступлении его нет.

При этом, защитник может быть, исходя из толкования положений УПК РФ, только у лиц, на которых направлено уголовное преследование, а это подозреваемый, либо обвиняемый. Обеспечивая реализацию в отношении данных субъектов права на квалифицированную юридическую помощь, законодатель создаёт механизм, который гарантирует получения такой помощи не зависимо от материального благосостояния – это механизм получения бесплатной юридической помощи через назначение защитника со стороны соответствующих должностных лиц, осуществляющих производство по делу. Для лица, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении такая нормативная возможность отсутствует.

Как верно отмечается в науке, «соответствующие правила действующим УПК РФ не предусмотрены. Кроме того, они противоречили бы ст. 51, 52, 53 УПК РФ» [20, с. 136].

Вероятно, законодателю следует предусмотреть некую дополнительную процессуальную форму участия адвоката на этапе проверки сообщения о преступлении, наделив такого участника соответствующими его

месту и роли в процедурах, направленных на проверку сообщения о преступлении, правами и обязанностями.

При этом, в случае положительного решения о возбуждении уголовного дела, данный процессуальный статус может стать основой для перехода в процессуальный статус защитника (если помощь оказывалась лицу, которое получило статус подозреваемого или обвиняемого); статус адвоката свидетеля (если помощь оказывалась свидетелю), который также комплексно не определён, а лишь фактически присутствует в ряде разрозненных норм УПК РФ; или статус представителя (если помощь оказывалась лицу, получившему в дальнейшем статус потерпевшего и т.д.)

Именован же рассматриваемого участника, оказывающего квалифицированную юридическую помощь лицу, участвующему в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении просто «адвокатом», не представляется корректным и целесообразным. Кроме того, отсутствие конкретизации процессуальных прав и обязанностей данного участника процедур, связанных с проверкой о преступлении, делает их попросту абстрактными.

Такой субъект, как «заявитель», упоминается в ч. 4 ст. 144 УПК РФ, в контексте выдачи ему документа о принятии сообщения о преступлении, в котором подлежат указанию данные о лице, которое приняло сообщение о преступлении, а также дата и время его принятия.

Более подробно о заявителе говорится в тексте ст. 141 УПК РФ, посвящённой заявлению о преступлении, как разновидности повода для возбуждения уголовного дела.

Подводя итоги главы, отметим, что: существующий в настоящее время процессуальный порядок проверки сообщения о преступлении является результатом продолжительной эволюции соответствующих положений ст. 144 УПК РФ. В своей первоначальной редакции, положения ст. 144 УПК РФ, содержащей основной комплекс положений, касающихся непосредственно

рассмотрения сообщения о преступлении, были весьма лаконичны, если не сказать абстрактны, а о содержании способов, посредством которых могут быть проверены сообщения о преступлении, можно было сделать лишь путём анализа положений иных норм УПК РФ, применительно к стадии возбуждения уголовного дела.

Путём внесения ряда изменений, законодатель значительно расширил и детализировал процессуальный порядок проверки сообщения о преступлении, внося ясность, относительно допустимых способов такой проверки, что, конечно же, заслуживает положительной оценки.

Также можно с уверенностью констатировать, что федеральный законодатель, предприняв попытку нормативного определения и закрепления прав участников этапа проверки сообщения о преступлении, сделал это не вполне корректно, допустив ряд терминологических неопределённостей и иных, рассмотренных выше, упущений, что и обуславливает насущную необходимость продолжать совершенствование обозначенного круга нормативных положений действующего УПК РФ.

Далее целесообразно обратиться к анализу конкретных способов проверки сообщений о преступлениях, нашедших своё определение на законодательном уровне.

Глава 3 Анализ способов проверки сообщения о преступлении

3.1 Получение объяснений и образцов для сравнительного исследования

Получение объяснений, имело место в качестве отдельного процессуального действия в положениях ч. 2 ст. 109 УПК РСФСР [52], однако, в действующем УПК РФ получение объяснений нашло свою регламентацию в качестве способа проверки сообщения о преступлении лишь в контексте изменений, внесённых в ст. 144 УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ.

Несмотря на это, практика получения объяснений в контексте проверки сообщения о преступлениях всё же осуществлялась, будучи основанной не на положениях УПК РФ, а на нормах иных правовых актов – например положениях Федерального закона от 28.12.2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» [59] и т.д.

Более того, как указывается в публикациях, получение объяснений являлось и является самым распространённым проверочным действием, которое имеет место практически по любым материалам проверки сообщений о преступлении, за исключением ситуаций, когда признаки совершённого преступления очевидны и решение о возбуждении уголовного дела не требует дополнительных обоснований.

В большинстве случаев, должностные лица получают объяснения у заявителей, пострадавших, если они не являются заявителями, очевидцев, лиц, в отношении которых проводится проверка.

Как представляется, законодатель, включив получение объяснений в качестве одного из способов предварительной проверки сообщения о преступлении непосредственно в ст. 144 УПК РФ, не предпринял попыток как-то регламентировать осуществление самой процедуры получения

объяснений, что оставило ряд вопросов, побуждающих авторов к дискуссиям и по данному поводу.

Как указывают некоторые авторы, «получение объяснений в практике чаще всего именуется более удачным термином «опрос» и представляет собой проверочное действие, заключающееся в интервьюировании опрашиваемого лица с целью получения сведений, касающихся предмета проверки сообщения о преступлении. Опрос аналогичен по своей сущности такому следственному действию, как допрос, а объяснения – показаниям» [23, с. 75].

Как верно отмечено В.Ю. Стельмахом, «различия между ними имеют скорее формально-юридический характер и обусловлены особенностями нормативной регламентации, а не содержанием» [48, с. 148].

Тем не менее, отсутствие урегулированности данной процедуры непосредственно в нормах УПК РФ заведомо создаёт определённые проблемы для последующего возможного использования результатов опроса в качестве доказательств в рамках возбуждённого уголовного дела.

Есть несколько точек зрения на суть проблемы.

Некоторые авторы [21, с. 37] отрицают возможность и практическую необходимость использования объяснений в качестве доказательств при производстве по уголовным делам.

Другие же считают, что при определённых условиях, объяснения могут использоваться в доказывании, однако, единства мнений относительно того, в каком процессуальном качестве данные сведения необходимо приобщать к материалам уголовного дела.

Так к какому же именно виду доказательств целесообразно относить объяснения? О.А. Чабукиани пишет: «можно отнести объяснения к такому виду доказательств, как показания, путем уточнения данного термина в уголовно-процессуальном законе как сведений, сообщенных не только на допросе, но и объяснении» [65, с. 75].

Есть мнение, что в тексте ч. 2 ст. 74 УПК РФ вполне возможно выделить отдельную разновидность доказательств, которую можно именовать: «объяснения» [17, с. 36]. В.М. Быков же считает, что объяснения могут быть использованы в процессе доказывания в качестве такой разновидности доказательств, как иные документы [10, с. 54].

Думается, что мнение В.М. Быкова из высказанных точек зрения является наиболее приемлемым, поскольку не вступает в противоречие с существующим регулированием, осуществляемым законодательством в регламентации вопросов, связанных с доказательствами и доказыванием.

Исходя из положений ст. 84 УПК РФ следует, что иные документы допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для уголовного дела, а значит, что формально объяснения соответствуют тем признакам иного документа, как доказательства, которые обозначены в нормах УПК РФ.

Тем не менее, сам процессуальный порядок получения объяснений и закрепления полученного результата следует определить и включить в текст УПК РФ, для обеспечения соответствия полученных таким образом сведений критерию допустимости, без соблюдения которого не может идти речь о применении чего-либо в процессе доказывания.

Также следует внести определённость в вопрос о том, когда именно объяснения могут быть использованы в качестве доказательства, поскольку в противном случае становится не ясно, для чего тогда нужны показания, если содержательно аналогичная информация уже имеет место на стадии возбуждения уголовного дела. Без такого критерия вряд ли можно говорить о том, что создано процессуальное препятствие для подмены показаний объяснениями.

Объективно случаями, когда объяснения нужны в материалах уголовного дела в качестве доказательства, могут быть ситуации, при которых ранее опрошенное лицо не представляется возможным допросить в

соответствующем процессуальном статусе и том процессуальном порядке, который соответствует данному статусу (обвиняемый, потерпевший, свидетель).

Как указывает А.М. Косенко, «такими случаями могут являться: смерть опрошенного лица или его временное тяжелое заболевание, удостоверенное медицинским заключением, препятствующее его участию в уголовном судопроизводстве; отказ опрошенного лица, являющегося иностранным гражданином, явиться по вызову следователя на допрос; место нахождения опрошенного лица в результате принятых мер не установлено; место нахождения опрошенного лица известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует. Данный перечень необходимо дополнить особым правилом, в соответствии с которым объяснения лица могут быть признаны доказательством в случае последующего допроса этого лица в соответствующем статусе, если в объяснениях и показаниях имеются существенные противоречия. Последнее правило обусловлено ситуациями, когда имеются основания полагать, что существенное изменение допрошенным лицом ранее сообщенных сведений вызвано воздействием со стороны иных лиц» [23, с. 77].

Существующее на настоящий момент регулирование получения объяснений очень лаконично: «вправе получать объяснения» - указано в ч. 1 ст. 144 УПК РФ; в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ (общей для любых способов проверки сообщений о преступлениях) говорится об обеспечении возможности осуществления прав лицами, участвующими в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, но о самом порядке получения объяснений должностным лицом ничего не сказано.

Некоторые авторы считают, что к получению объяснений можно с успехом применять правила допроса свидетеля, за исключением предупреждения лица, дающего объяснения, об уголовной ответственности

за отказ от дачи показаний (ст. 308 УК РФ) и за дачу заведомо ложных показаний (ст. 307 УК РФ) [63, с. 112].

С учётом ограниченной процессуальной возможности применения государственного принуждения до возбуждения уголовного дела, представляются несостоятельными предложения о необходимости «на законодательном уровне закрепить процессуальный порядок вызова для дачи объяснения и правовые гарантии явки граждан» [47, с. 155].

Таким образом, в УПК РФ следует обозначить производство получения объяснений с согласия опрашиваемого лица. Нормативно определять длительность опроса нет нужды, так как лицо даёт объяснения на добровольной основе ровно столько – сколько само считает допустимым. Перед получением объяснений лица ему целесообразно разъяснить его права, при необходимости обеспечить участие переводчика и т.д.

Что касается оформления объяснений, то целесообразно это делать с учётом положений ст. 190 УПК РФ в форме соответствующего протокола (по аналогии с протоколом допроса, в котором фиксируются показания лица).

Имеющую место на практике форму закрепления объяснений в рапорте можно считать допустимой при получении объяснений по телефону (когда опрашиваемое лицо готово предоставить информацию, но приехать и встретиться лично не желает) и т.д.

Закреплённые в такой форме объяснения вполне могут использоваться для принятия решения по сообщению о преступлении о возбуждении, или об отказе в возбуждении уголовного дела, но использованы в доказывании быть не могут, так как отсутствует процессуальная форма.

Таким образом, только нормативное определение порядка получения объяснений и их закрепления могут создавать необходимую основу для использования объяснений в качестве иного документа в процессе доказывания. Без такой регламентации, значение объяснений только ориентирующее.

Что касается получения образцов для сравнительного исследования в качестве способа проверки сообщения о преступлении, то данному вопросу в науке уделено незначительное внимание, хотя, использование такого способа имеет много неоднозначных аспектов.

Получению образцов для сравнительного исследования посвящена ст. 202 УПК РФ. К числу образцов для сравнительного исследования относят образцы: почерка, волос, крови, слюны, спермы, других выделений человеческого организма и др.

В этой связи, не вполне ясно, почему законодатель, говоря о разновидностях образцов для сравнительного исследования, упоминает лишь образец почерка, а далее говорит «или иные образцы»? Образец почерка не является особой разновидностью образцов для сравнительного исследования и вряд ли нуждается в особом внимании, а значит такое упоминание вполне можно исключить из текста ч. 1 ст. 202 УПК РФ. Также регламентируя получение образцов для сравнительного исследования применительно к стадии возбуждения уголовного дела, неправомерно говорить о вещественных доказательствах, однако законодатель указывает, что должностное лицо вправе получить образцы для сравнительного исследования «у иных физических лиц и представителей юридических лиц в случаях, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах», хотя вещественные доказательства в процессуальном смысле этого понятия могут возникнуть только после возбуждения уголовного дела.

На это обстоятельство справедливо обращают внимание в научных публикациях [15, с. 10].

Относительно возможности применения государственного принуждения при получении образцов для сравнительного исследования, следует ответить отрицательно, несмотря на иные мнения по данному вопросу. Такой взгляд на суть проблемы обусловлен тем, что именно стадия

возбуждения уголовного дела служит барьером от необоснованного применения принуждения в случаях, когда вопрос о наличии признаков преступления остаётся открытым. Лишь после признания наличия таких признаков и вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, как представляется, возможно применение принуждения, но никак не ранее.

Поэтому за отказ от предоставления образцов для сравнительного исследования привлечь лицо к ответственности по ст. 308 УК РФ можно только относительно лиц в соответствующем процессуальном статусе, на чём следует сделать акцент в ч. 1 ст. 202 УПК РФ для однозначного понимания и толкования со стороны правоприменителя.

Резюмируя сказанное, представляется целесообразным внести изменения в ч. 1 ст. 202 УПК РФ и изложить её в следующей редакции:

«Следователь вправе получить образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, а также в соответствии с частью первой статьи 144 настоящего Кодекса у иных физических лиц и представителей юридических лиц в случаях, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на определённом объекте, и составить протокол в соответствии со статьями 166 и 167 настоящего Кодекса, за исключением требования об участии понятых.

Получение образцов для сравнительного исследования может быть произведено до возбуждения уголовного дела – в этом случае получение образцов для сравнительного исследования осуществляется на добровольной основе».

3.2 Истребование, изъятие, исследование предметов и документов; исследование трупов

В качестве способов проверки сообщений о преступлениях, законодатель предусмотрел такие действия, направленные на предметы или документы, как их истребование, изъятие и исследование. Из перечисленных действий, при этом, к трупу законодатель применяет лишь «исследование».

В вопросах истребования, а также изъятия есть ряд проблем как теоретического, так и практического плана.

Как отмечается в публикациях, несмотря на отсутствие регулирования данного вопроса до внесения соответствующих изменений, истребование предметов и документов всё равно осуществлялось, хотя и отсутствовала единообразная правоприменительная практика.

Истребование предметов или документов, как видится, характеризуется добровольным характером передачи соответствующих предметов или документов – законом не предусмотрена какая-либо ответственность за их непредоставление.

Такая форма получения предметов или документов предполагает отсутствие конфликта и потому довольно проста в использовании на практике. В рамках истребования предметов или документов для проверки сообщения о преступлении обычно происходит получение сведений, имеющих косвенное, вспомогательное и ориентирующее значение для дела - в иных случаях, получить соответствующие предметы или документы целесообразно уже после возбуждения уголовного дела, в контексте производства следственных действий, подкреплённых возможностью применения уголовно-процессуального принуждения.

Как отмечает А.Б. Судницын: «Приведенная установка в полной мере соответствует соразмерности ограничения прав человека и гражданина

конституционно значимым целям и охраняемым интересам (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) на стадии возбуждения уголовного дела» [49, с. 90].

Истребование как способ собирания доказательств при производстве по уголовному делу уместно использовать полноценно там, где отсутствует конфликт, поскольку такая форма получения предметов и документов является, потенциально, более простой, чем производство следственных действий.

Как указывается в публикациях, в первую очередь, изъятие предметов или документов представляет настоящую проблему, поскольку даже после появления данного способа проверки сообщений о преступлениях в УПК РФ не появилось новых положений, регламентирующих непосредственно порядок изъятия на этапе проверки сообщения о преступлении.

Изъятие, в понимании данного термина как «отнимания, отбирания, конфискация» [18, с. 459] является самостоятельным способом получения должностным лицом предметов или документов в контексте проверки сообщения о преступлении.

Нормы, обуславливающие процессуальную возможность изъятия содержались и содержатся в ряде иных положений УПК РФ, регламентирующих производство следственных действий: осмотр места происшествия, осмотр местности, жилища, иного помещения (ст. ст. 176, 177 УПК РФ), обыск (ст. 182 УПК РФ), выемка (ст. 183 УПК РФ), личный обыск (ст. 184 УПК РФ), наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ).

Относительно различных следственных действий, указанных выше, законодатель категорию «изъятие» применяет в буквальном смысле – как физическое извлечение какого-либо объекта из места его обнаружения.

Тем не менее, следственные действия, за исключением осмотра, освидетельствования и судебной экспертизы нельзя проводить на этапе

проверки сообщения о преступлении. Тогда что же имел в виду законодатель, включив изъятие в текст ст. 144 УПК РФ?

Как отмечается отдельными авторами, в правоприменительной практике используют такой вариант изъятия вещей пострадавшего, как составление протокола получения документов и предметов.

«Данный вариант имеет место быть на практике, когда в ходе получения объяснения от лица, пострадавшего от преступления, последний воспользовался правом заявить ходатайство о приобщении к материалам проверки вещей и документов, обосновывающих его заявление, хотя нормами действующего уголовно-процессуального законодательства такой порядок не предусмотрен» [67, с. 29] - указывается в публикации Я.А. Шараевой и Ю.С. Мандрыки.

Следует согласиться с мнением А.Б. Судницына о том, что «изъятие документов в уголовно-процессуальном законодательстве – это обобщающий термин, подразумевающий под собой элемент тех следственных действий, в рамках которых допустимо получение предметов и документов и производство которых разрешено до возбуждения уголовного дела» [49, с. 95].

В контексте изъятия предметов или документов до возбуждения уголовного дела пишут о порочной практике осуществления такого изъятия при производстве фактического обыска, оформляемого в качестве осмотра, что представляется недопустимым.

Использовать в качестве доказательств полученные таким образом предметы или документы не представляется возможным, так как их получение не будут отвечать предписаниям ст. 75 и 89 УПК РФ.

Резюмируя сказанное, следует сделать вывод о том, что обозначенные способы проверки сообщения о преступлении в виде истребования и изъятия предметов или документов тесно связаны друг с другом: истребование предполагает проявление инициативы со стороны должностного лица в

предоставлении определённых предметов или документов с сохранением критерия добровольности передачи со стороны лица истребуемых объектов (несмотря на то, что в основе истребования лежит предписание ч. 4 ст. 21 УПК РФ, предусматривающее обязанность исполнения законного требования должностного лица, при этом, законодательство не предусматривает принудительного изъятия материального объекта в рамках истребования, если лицо отказывается его передать); изъятие же предполагает получение предмета или документа должностным лицом в контексте производства тех следственных действий, в рамках которых допустимо получение предметов и документов и производство которых разрешено до возбуждения уголовного дела.

Также следует урегулировать вопрос оформления получаемых в ходе проверки сообщения о преступлении объектов. Как представляется, с учётом непоследовательной, противоречивой и сомнительной с точки зрения законности практики, видится необходимым обозначить в УПК РФ следующую процедурную последовательность истребования предметов или документов:

- вынесение требования должностного лица о передаче тех или иных предметов (документов), оформляемого на имя органа или лица, у которого находятся необходимые сведения;
- составление протокола получения предметов и документов, подтверждающих наличие признаков совершённого преступления.

Протокол получения предметов и документов должен соответствовать общим правилам составления протокола.

Изъятие же предметов или документов в контексте проверки сообщения о преступлении, как представляется, может иметь место лишь при производстве осмотра, освидетельствования или судебной экспертизы – тех следственных действий, осуществление которых до возбуждения уголовного дела разрешено законодателем. Соответственно, изъятие каких-либо

предметов или документов оформляется в рамках протокола следственного действия.

Обозначенное понимание истребования и изъятия предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела позволяет правильно и полноценно их использовать в правоприменительной деятельности.

Наличие в ряду способов проверки сообщения о преступлении исследования предметов или документов вызывает недоумение, о чём указывается в научных публикациях [30, с. 100]. Это связано с тем, что в рамках ч. 1 ст. 144 УПК РФ, законодатель, наряду с исследованием предметов и документов, предусматривает возможность давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий, к числу которых, в соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [57], относится исследование предметов и документов (ст. 6). Таким образом, имеет место дублирование.

Тем не менее, некоторые авторы [46, с. 2] считают, что выделение исследования предметов и документов в отдельную категорию проверочных действий позволяет придать этому действию характер действия процессуального, в отличии от тех действий, которые производятся в рамках ОРМ.

Также включение рассматриваемого проверочного действия в текст ч. 1 ст. 144 УПК РФ имеет смысл в контексте упрощения соответствующей процедуры, избежании ненужного затягивания, связанного с дачей обязательного к исполнению поручения органу дознания. Тем более, что в таком случае должностное лицо, производя исследование ранее полученного предмета или документа, может сделать это достаточно оперативно, привлекая, по своему усмотрению, специалиста для содействия в реализации этой задачи.

Таким образом, как отмечается в литературе, «можно говорить о положительном решении вопроса по приданию процессуального характера так называемым предварительным исследованиям – специальным криминалистическим, химическим, биологическим и иным исследованиям документов, денежных знаков, ценных бумаг, веществ неизвестной природы, пищевых продуктов и др., проводимым в целях обнаружения признаков преступления на стадии возбуждения уголовного дела» [46, с. 3].

Проведение таких исследований, минуя назначение судебной экспертизы, обуславливается единственной целью – получением данных, указывающих на признаки преступления, в то время как предмет (устанавливаемые факты и обстоятельства) и задачи экспертного исследования несоизмеримо шире.

Что касается такого способа проверки сообщения о преступлении, как исследование трупа, то обращает на себя внимание следующий момент – этот способ приводится законодателем в ч. 1 ст. 144 УПК РФ наряду с возможностью назначения и производства судебной экспертизы.

То есть уполномоченным субъектам предоставлена возможность выбора того, что именно делать в конкретной ситуации – назначать судебную экспертизу, или же ограничиться исследованием. Но основа, или ориентир, для такого выбора не приводится в тексте ст. 144 УПК РФ.

Некоторые авторы полагают, что «при наличии выбора проведения экспертизы или исследования следователь или дознаватель вправе выбрать то или иное проверочное действие в зависимости от исходной ситуации при проводимой проверке, целесообразности конкретных процессуальных действий и их доказательственной эффективности» [64, с. 56].

Тем не менее, разграничить данные ситуации представляется проблематичным, так как различия между судебно-медицинской экспертизой и исследованием трупа минимальны – данные способы являются сходными как по целевой направленности, так и по содержательной составляющей.

Порядок назначения и производства судебной экспертизы закреплен в гл. 27 УПК РФ, а ее результаты оформляются заключением, предусмотренным ст. 204 УПК РФ. Согласно п. п. 9, 10 ч. 1 ст. 204 УПК РФ в заключении эксперта указываются содержание и результаты исследований с указанием примененных методик, а также выводы по результатам проведенных исследований и их обоснование. Другими словами, процессуальный порядок экспертного исследования (в том числе и трупа) находит своё достаточно подробное нормативное регулирование.

Действующим подзаконным нормативно-правовым актом, регулирующим вопросы судебно-медицинской экспертизы и исследования трупа, является Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» [41]. В п. 1 утвержденного Приказом Порядка указано, что он в том числе регулирует вопросы организации и производства судебно-медицинской экспертизы включая судебно-медицинскую экспертизу и исследование трупа (далее – экспертиза) в государственных судебно-экспертных учреждениях, экспертных подразделениях системы здравоохранения, имеющих лицензию на осуществление медицинской деятельности. Никаких отличий между этими действиями не предусмотрено, и общие требования к ним закреплены в разд. 4 этого документа «Особенности порядка организации и проведения экспертизы трупа».

В ходе как производства экспертизы, так и исследования трупа предусмотрено проведение определенной процедуры, а именно изъятия частей трупа, внутренних органов и тканей, крови и иных биологических объектов для инструментального и лабораторного (гистологического, гистохимического) исследования (п. п. 39, 49, 51 Порядка), а также действий перед захоронением трупа (п. п. 53, 54 Порядка).

Что же касается процессуального порядка проведения исследования трупа в рамках проверки сообщения о преступлении, то он не находит отражения в законодательстве, словно данный порядок представляет собой нечто, само собой разумеющееся.

Как отмечается некоторыми авторами, на практике эксперты при исследовании трупа проводят те же самые действия, что и при производстве судебно-медицинской экспертизы трупа. Если же следователь или дознаватель своевременно не вынес постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы трупа и назначил его исследование, а впоследствии по сообщению о преступлении возбуждено уголовное дело, то он назначает судебно-медицинскую экспертизу, при производстве которой новое исследование не проводится, а используются ранее полученные данные [7, с. 36].

Таким образом, содержательная сходность создаёт объективные трудности в выборе для правоприменителя.

После введения Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в УПК РФ норм, допускающих назначение, проведение и получение заключения экспертизы еще до возбуждения уголовного дела, вопрос о целесообразности в назначении исследования трупа вместо его судебно-медицинской экспертизы в подавляющем большинстве случаев фактически отпадает.

Кроме того, следует обратить внимание на случаи обязательного назначения судебной экспертизы, которые обозначены законодателем в ст. 196 УПК РФ, к числу которых относится установление причины смерти. Получается, что данное нормативное положение обязывает соответствующее должностное лицо на этапе доследственной проверки инициировать назначение именно судебной экспертизы для решения данной задачи, а не производить исследование трупа – обратное противоречит недвусмысленному императиву ст. 196 УПК РФ.

Тем не менее, исследование трупа до принятия решения о возбуждении уголовного дела, вероятнее всего, может быть направлено именно на решение вопроса об установлении причины смерти, от ответа на который будет зависеть итоговое процессуальное решение о возбуждении, либо отказе в возбуждении уголовного дела (если причина смерти не носит криминальный характер).

Как показательно отмечается в научных публикациях, посвящённых данному вопросу, «в Республике Коми практика назначенных и проведенных республиканским Бюро судебно-медицинской экспертизы в прошедшем и текущем годах исследований трупов в 100% имели целью именно установление причин смерти» [7, с. 36].

Безусловно, такая практика характерна и для других регионов, поскольку основана на простой логике. Однако, не логичным здесь видится существование двух альтернативных процедур, направленных на достижение, по сути, одного и того же результата.

Ситуации, при которых исследование трупа может обуславливаться иной целью, чем установление причины смерти могут иметь место – это может быть исследование частей (фрагментов) трупа, выявление на них индивидуализирующих особенностей (татуировок и т.д.) Но решение подобных задач носит характер специфический и характеризуется редкостью в правоприменении. Соответственно, данная ситуация не может претендовать на роль правила, а может рассматриваться только в качестве исключения из него.

Таким образом, анализ действующего законодательства и правоприменительной практики приводит к выводу о том, что при проведении доследственной проверки по факту причинения смерти, как правило, требуется назначение судебно-медицинской экспертизы, четкий алгоритм действий при назначении и производстве которой закреплен в гл. 27 УПК РФ.

На основании сказанного, представляется целесообразным разграничить ситуации, с учётом положений ст. 196 УПК РФ, при которых должна назначаться судебная экспертиза трупа и ситуации, при которых возможно производство исследования трупа, путём внесения изменений в ч. 1 ст. 144 УПК РФ следующего содержания (выделено курсивом): «Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения.

При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов (для решения вопросов, не связанных с установлением причины смерти), привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий».

Такое дополнение позволит исключить необоснованное производство исследования трупа (в противоречии со ст. 196 УПК РФ), вместо производства судебной экспертизы трупа, создав достаточно чёткий критерий такого разграничения и позволит избежать дублирования процессуальных действий.

3.3 Производство документальных проверок и ревизий

В ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР 1960 г. акты ревизий и документальных проверок имели место в качестве самостоятельной разновидности доказательств. Тем не менее, в ст. 109 УПК РСФСР не содержал указания на производство ревизий и документальных проверок в качестве способа проверки сообщения о преступлении.

Возможность осуществления документальной проверки или ревизии появилась в контексте проверки сообщения о преступлении в тексте ст. 144 УПК РФ в 2003 г. в связи с внесением изменений Федеральным законом № 92-ФЗ [55].

На практике документальные проверки и ревизии востребованы в основном при производстве по делам о ряде преступлений экономической направленности.

Но те, или иные сведения, которые могут быть получены в ходе документальных проверок или ревизий, учитывая отсутствие должного регулирования и чёткости процессуальной формы вряд ли целесообразно рассматривать как допустимый источник доказательств.

С учётом того, что в ч. 2 ст. 74 УПК РФ акты ревизий и документальных проверок не упомянуты в качестве источника сведений, имеющих статус доказательств, возможность использования их в доказывании находится под вопросом. Потенциально, это возможно путём приобщения таких сведений к материалам уголовного дела в качестве иного документа.

Как отмечается некоторыми авторами: «Нельзя не учитывать, что в рассматриваемой ситуации акт ревизии или документальной проверки отличается от иных документов тем, что он составлен по итогам потребованной дознавателем, органом дознания, следователем,

руководителем следственного органа ревизии или документальной проверки» [34, с. 32].

В связи с этим более обоснованной представляется точка зрения, согласно которой «акт ревизии если и можно использовать в качестве доказательства - иного документа, то лишь в тех случаях, когда ревизия проводилась не по требованию властных участников уголовного судопроизводства» [15, с. 24].

Для того, чтобы использовать полученные путём производства документальной проверки или ревизии сведения в доказывании, как правило на этапе предварительного расследования назначается судебно-бухгалтерская экспертиза для разрешения тех вопросов, которые уже, в принципе, были разрешены в ходе документальной проверки или ревизии. В таком случае, в качестве допустимого доказательства будет выступать заключение эксперта.

Как отмечается в публикациях, «если раньше акты ревизий зачастую использовали вместо заключения судебной бухгалтерской экспертизы, то сейчас, как правило, такая экспертиза все равно проводится, несмотря на проведенную ревизию, причем в обвинительном заключении (акте) и приговоре ссылаются в качестве доказательства на заключение эксперта» [8, с. 15].

Вряд ли законодатель необдуманно не причисляет результаты документальных проверок к допустимым доказательствам.

М.Ю. Михеева пишет: «Так, ревизия и проверка как методы государственного финансового контроля не имеют правового обоснования: их назначение, содержание, порядок проведения, оформление материала не закреплены законом, в то время как Гражданский кодекс РФ дает возможность оспаривать их результаты. Отсутствие законодательного определения ревизии и контроля ущемляет интересы юридических лиц и права граждан» [32, с. 63].

Альтернативой, имеющей должную процессуальную регламентацию документальным проверкам и ревизиям, является судебная экспертиза - процессуальное действие, порядок производства которого подробно регламентирован в главе 27 УПК РФ.

В соответствии с Приказом МВД России от 29.06.2005 г. № 511 [39] в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации проводятся следующие роды судебных экономических экспертиз: бухгалтерская (исследование содержания записей бухгалтерского учета), налоговая (исследование исполнения обязательств по исчислению налогов и сборов), финансово-аналитическая (исследование финансового состояния) и финансово-кредитная (исследование соблюдения принципов кредитования).

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что использование результатов документальных проверок или ревизий возможно лишь для установления признаков уголовно-наказуемого деяния в сообщении о преступлении и возбуждения уголовного дела. Для целей доказывания данные сведения в процессуальном плане использованы быть не должны.

В отличие от акта документальной проверки, ревизии все заключения экспертов, полученные в результате производства судебных экспертиз, могут быть признаны допустимыми уголовно-процессуальными доказательствами (п. 3 ч. 2 ст. 74, ч. 1 ст. 80 УПК РФ) и использоваться при установлении наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

3.4 Производство осмотра, освидетельствования и судебной экспертизы

По общему правилу, следственные действия производятся лишь в рамках предварительного расследования по уже возбуждённому уголовному делу. В виде исключения, производство следственных действий допустимо до возбуждения уголовного дела, в том числе, в качестве способа установления признаков совершённого преступления.

В ч. 1 ст. 144 УПК РФ, законодатель чётко определил процессуальную возможность производства следующих следственных действий в контексте проверки сообщения о преступлении:

- осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов;
- освидетельствование;
- судебная экспертиза.

Понятие осмотра места происшествия не предусмотрено в тексте УПК РФ, в связи с чем имеется неопределённость в понимании того, что считать местом происшествия. Отдельные авторы, например, М.А. Чернышев, предлагают понимать под таковым «участок местности, жилище, иное помещение, в пределах которых могут находиться следы, предметы и иные объекты, свидетельствующие о подготовке и (или) совершении преступления» [66, с. 8].

С.В. Мамонов уточняет, что «обоснованной и практически целесообразной представляется концепция узкого понимания места происшествия как участка местности (территории, акватории), подводной среды, подземного природного образования или сооружения, или помещения, в пределах которых произошло преступление либо иное событие, неприступный характер которого в момент осмотра неизвестен» [27, с. 8-9].

При этом, без судебного решения, осмотр в жилище может производиться только при согласии на осуществление осмотра всех проживающих лиц, о чём говорит Пленум Верховного Суда РФ в одном из своих Постановлений: «на производство осмотра жилища требуется

разрешение суда, если хотя бы одно из проживающих в нем лиц возражает против осмотра» [36] (п. 8).

Осмотр документов и предметов проводится по общим правилам. Осмотр трупов проводится в порядке, установленном ст. 178 УПК РФ. В связи с необходимостью производства такой разновидности осмотра, как осмотр трупа может потребоваться эксгумация.

Освидетельствование является следственным действием, которое связано с элементами принуждения. Кроме того, в ч. 1 ст. 179 УПК РФ предусмотрено, что освидетельствование проводится в отношении потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого и свидетеля. Данные участники отсутствуют в стадии возбуждения уголовного дела, в связи с чем возникает вопрос о статусе лиц, которые подвергаются освидетельствованию в рассматриваемой стадии, а также о возможности применения мер процессуального принуждения.

Представляется, что принудительное производство освидетельствования до возбуждения уголовного дела проведено быть не может.

Производству судебной экспертизы, как уже было отмечено, в тексте УПК РФ посвящена отдельная глава – глава 27, в рамках которой находят своё отражение вопросы, касающиеся назначения и производства судебной экспертизы.

Результаты же производства судебной экспертизы оформляются в виде заключения, предусмотренного ст. 204 УПК РФ, которое является одним из видов доказательств, предусмотренных в ст. 74 УПК РФ. Согласно п. п. 9, 10 ч. 1 ст. 204 УПК в заключении эксперта указываются содержание и результаты исследований с указанием примененных методик, а также выводы по результатам проведенных исследований и их обоснование.

В соответствии со ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской

Федерации» [62] судебная экспертиза – это процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Как уже упоминалось ранее, назначение судебной экспертизы для определения признаков совершённого преступления необходимо производить. В первую очередь, в тех ситуациях, когда это необходимо для квалификации деяния, как преступления. В частности, когда посредством экспертизы подлежит установлению причина смерти, что является ключевым для выяснения криминальной составляющей, или ситуации, связанные с предполагаемым незаконным оборотом наркотических средств – без результата экспертного исследования в подобных случаях возбуждение уголовного дела будет безосновательным.

3.5 Производство оперативно-розыскных мероприятий

Часть 1 ст. 144 УПК РФ содержит указание на такой способ проверки сообщения о преступлении, как дача органу дознания обязательных для исполнения письменных поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

На первоначальной стадии уголовного судопроизводства во многих случаях осуществляется включение результатов ОРД для получения сведений, указывающих на признаки уголовно наказуемого деяния.

Материалы производства оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) на этапе проверки сообщения о преступлении можно рассматривать как «непроцессуальные проверочные действия, проводимые при рассмотрении

сообщений о преступлении, создающие условия и предпосылки для появления в уголовном деле полноценных процессуальных доказательств, на основе которых в первую очередь устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела» [14, с. 281].

Оперативно-розыскные мероприятия, предусмотренные ст. 6 Закона «Об ОРД», как самостоятельные проверочные действия проводятся в срок, установленный уголовно-процессуальным законом, но в порядке, предусмотренном нормами вышеназванного законодательного акта.

Особого внимания заслуживает проблема доказательственного значения материалов проверки сообщения о преступлении, проводимой посредством ОРД.

Во-первых, необходимо помнить о достаточной специфичности того правового режима, каким обладают сведения, полученные оперативно-розыскным путём на этапе возбуждения уголовного дела, ведь в данных условиях процессуальная форма допускает обращение к информации, которая имеет относительно свободную форму и характеризуемыми вероятностным содержанием.

Как указывается в научных публикациях, «парадокс заключается в том, что значение сведений, полученных в процессе проверки сообщения о преступлении, двойственное. Для принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела материалов проверки, полученных посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий и не облаченных в соответствующую процессуальную форму, а то и вовсе с нарушением закона, окажется вполне достаточно. Если же уголовное дело возбуждено, то неизбежно потребует разрешения вопрос о наделении материалов проверки, проводимой посредством ОРД, статусом процессуальных доказательств» [33, с. 307].

Во-вторых, ценность сведений, которые были получены посредством производства ОРМ обусловлена тем, что во многих случаях они не только не могут быть получены традиционными способами, но и не могут быть ничем заменены. Так, оперативно-розыскные мероприятия в отличие от следственных действий проводятся, как правило, во время подготовки или совершения преступления, сведения о котором в момент их формирования сразу же отражаются в документах оперативного учета. При этом по содержанию сведения о преступлении, полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела, идентичны сведениям о преступлении, полученным в результате следственного действия. В то же время не стоит отождествлять оперативно-розыскные мероприятия со следственными действиями, проводимыми до возбуждения уголовного дела, исходя из задач, которые ставятся перед ними, предусмотренной процедуры их организации и проведения, круга и полномочий участников и пр.

В-третьих, теорией оперативно-розыскной деятельности развит тезис о том, что «результаты оперативно-розыскной деятельности представляют собой зафиксированную информацию и могут служить основой для получения всех видов доказательств независимо от того, проведены они до или после возбуждения уголовного дела» [24, с. 11].

Наконец, по некоторым категориям преступлений установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, возможно исключительно при проведении оперативно-розыскной деятельности и использовании ее результатов в уголовно-процессуальном доказывании уже на стадии возбуждения уголовного дела. Так, установить наличие цели сбыта как конструктивного признака составов некоторых преступлений возможно только при проведении оперативно-розыскного мероприятия - проверочной закупки, когда виновное лицо осуществляет сбыт хотя бы части имеющейся у него продукции.

Таким образом, доказательственное значение оперативно-розыскной информации на стадии возбуждения уголовного дела представляется очевидным. Результаты ОРД могут использоваться не только для выявления данных, свидетельствующих о наличии признаков преступления и необходимых для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, но и для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, и получения полноценных процессуальных доказательств.

Насущной проблемой является то, что ни Закон «Об ОРД», ни УПК РФ не предусмотрели условия четкой взаимосвязи между оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельностью на данном этапе, поэтому порядок и форма использования результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании нуждается в развернутом закреплении в УПК РФ.

Таким образом, подводя итоги главы, следует отметить необходимость расширения нормативной регламентации отдельных способов проверки сообщения о преступлении. Имеющиеся на данный момент положения ст. 144 УПК РФ продолжают оставлять множество вопросов как о процедуре производства отдельных проверочных действий, так и о возможности использования полученных результатов в процессе доказывания.

Результаты производства некоторых проверочных действий, как представляется, не должны использоваться в процессе доказывания, а использоваться только по своему непосредственному назначению – для установления наличия признаков совершенного преступления и формирования основания для возбуждения уголовного дела. Это касается результатов производства документальных проверок и ревизий. Следует сделать вывод о том, что полученные таким образом сведения пригодны лишь для установления признаков уголовно-наказуемого деяния в сообщении о преступлении и возбуждения уголовного дела. Они не должны подменять собой результаты соответствующего экспертного исследования.

Сказанное касается большей части проверочных действий, закреплённых в тексте ст. 144 УПК РФ.

Заключение

В заключении выполненной выпускной квалификационной работы целесообразно сделать общие выводы и подвести итоги.

Несмотря на то, что законодатель связывает решение процессуально значимого вопроса о инициации уголовного преследования с наличием повода и основания для этого процессуального акта, наименование ст. 144 УПК РФ сформулировано как «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении», а не, например, как «Порядок рассмотрения информации, содержащейся в поводе для возбуждения уголовного дела», что представляется несколько более логичным, если исходить из нормативного содержания ст. 140 УПК РФ.

Тем не менее, если обратить внимание на содержание понятия «сообщение о преступлении», раскрываемое законодателем в ч. 43 ст. 5 УПК РФ, то увидим, что данной категорией объединяются все поводы для возбуждения уголовного дела, упоминаемые в ст. 140 УПК РФ.

Таким образом, сообщение о преступлении терминологически равнозначно поводу для возбуждения уголовного дела.

Обращает на себя внимание определённая непоследовательность законодателя в определении в качестве повода «сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученном из иных источников», поскольку, говоря о рассматриваемой категории в рамках ст. 143 УПК РФ, законодатель называет данный повод «рапорт об обнаружении признаков преступления», а раскрывая содержание понятия «сообщение о преступлении» в ч. 43 ст. 5 УПК РФ, законодатель говорит уже о «рапорте об обнаружении преступления», что вызывает недоумение.

С точки зрения информативного наполнения, любой из поводов – это сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, но спецификой анализируемого повода является то, что независимо от того, что стало

источником поступления такой информации, она оформляется в виде рапорта должностного лица. Исходя из данной определяющей характеристики, было бы правильным именовать «рапорт». Но какой рапорт – об обнаружении преступления, или же об обнаружении его признаков? С учётом того, что вывод о наличии преступления на этапе возбуждения уголовного дела лишь предположительный и состоит в «наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления» (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), то и повод для возбуждения уголовного дела должен звучать как «рапорт об обнаружении признаков преступления», что совпадает с наименованием ст. 143 УПК РФ.

Соответственно, для создания терминологического единства, в ч. 43 ст. 5 УПК РФ вместо оборота «рапорт об обнаружении преступления», следует включить оборот «рапорт об обнаружении признаков преступления»; соответственно, на аналогичный оборот в п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ следует заменить используемый законодателем оборот «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников».

УПК РФ оперирует такими речевыми конструкциями, как «проверка сообщений» и «рассмотрение сообщений» о преступлениях.

В ряде публикаций, посвящённых анализируемому кругу вопросов, авторы используют обороты «предварительная проверка сообщения о преступлении» и «доследственная проверка сообщения о преступлении», что видится не вполне обоснованным.

Словосочетание «доследственная проверка» не применим, так как не имеет какой-либо обусловленности предстоящим расследованием – наоборот, он может предшествовать ему. Таким образом, указание на некую «доследственность» приемлем, в связи с чем это видится излишним.

Что же касается традиционного и используемого законодателем оборота «проверка сообщения о преступлении» - он видится наиболее

удачным и отвечающим содержанию рассматриваемой категории, исходя из семантического толкования понятия «проверка».

Понятия института проверки сообщения о преступлении отсутствует в нормах УПК РФ. С учётом положений ч. 1 ст. 144 УПК РФ, а также цели стадии возбуждения уголовного дела, понятие проверки сообщения о преступлении следует сформулировать следующим образом: проверка сообщения о преступлении – это деятельность дознавателя, органа дознания, следователя, или руководителя следственного органа, осуществляемая предусмотренными в УПК РФ способами и направленная на удостоверение в установленный срок наличия, либо отсутствия в сообщении о преступлении признаков уголовно-наказуемого деяния.

Терминологически законодатель не выделил в нормах УПК РФ такую категорию лиц, как «субъекты проверки сообщения о преступлении». Следует указать на достаточную условность такой категории с точки зрения науки, с учётом того, что в нормах действующего УПК РФ указанный оборот не используется. По сути, законодатель обращается только к категории «участники уголовного судопроизводства», но круг таковых не идентичен кругу лиц, вовлекаемых в процесс проверки сообщения о преступлении.

Большую проблему представляет такая категория субъектов проверки сообщения о преступлении как «лиц, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении». В частности, необходимо помнить, что данные лица, в отличие от полноправных участников стадии предварительного расследования (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или свидетель), не наделены внятным комплексом процессуальных правомочий.

Множество проблем вызывает также вопрос реализации конституционного права на оказание квалифицированной юридической помощи лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении.

Включение законодателем в ст. 144 УПК РФ новой части 1.1., в тексте которой упомянуто право «пользоваться услугами адвоката», не создало новацию, однако, подчеркнуло важность реализации рассматриваемого права на этапе проверки сообщения о преступлении в контексте стадии возбуждения уголовного дела.

Вероятно, законодателю следует предусмотреть некую дополнительную процессуальную форму участия адвоката на этапе проверки сообщения о преступлении, наделив такого участника соответствующими его месту и роли в процедурах, направленных на проверку сообщения о преступлении, правами и обязанностями.

Что касается отдельных способов проверки сообщений о преступлениях, то они достаточно лаконично обозначены законодателем в ч. 1 ст. 144 УПК РФ без раскрытия и конкретизации процессуального порядка производства большинства этих способов, что ставит вопрос о необходимости совершенствования существующей нормативной регламентации.

Относительно объяснений, как способа проверки сообщения о преступлении, отсутствует урегулированный процессуальный порядок их получения, что заведомо создаёт определённые проблемы для последующего возможного использования результатов опроса в качестве доказательств в рамках возбуждённого уголовного дела.

Без конкретизированного процессуального порядка их получения, значение объяснений остаётся лишь сугубо ориентирующим. Однако, на практике не исключены случаи, когда объяснения нужны в материалах уголовного дела именно в качестве доказательства. В частности, могут быть ситуации, при которых ранее опрошенное лицо не представляется возможным допросить в соответствующем процессуальном статусе и том процессуальном порядке, который соответствует данному статусу.

Думается, что объяснения могут быть использованы в процессе доказывания в качестве такой разновидности доказательств, как иные документы, однако, сам процессуальный порядок получения объяснений и закрепления полученного результата следует определить и включить в текст УПК РФ, для обеспечения соответствия полученных таким образом сведений критерию допустимости, без соблюдения которого не может идти речь о применении чего-либо в процессе доказывания.

Только нормативное определение порядка получения объяснений и их закрепления могут создавать необходимую основу для использования объяснений в качестве иного документа в процессе доказывания.

Нормативная регламентация получения образцов для сравнительного исследования также не лишена недостатков. Не вполне ясно, почему законодатель, говоря о разновидностях образцов для сравнительного исследования, упоминает лишь образец почерка, а далее говорит «или иные образцы»? Образец почерка не является особой разновидностью образцов для сравнительного исследования и вряд ли нуждается в особом внимании, а значит такое упоминание вполне можно исключить из текста ч. 1 ст. 202 УПК РФ.

Также, регламентируя получение образцов для сравнительного исследования, применительно к стадии возбуждения уголовного дела, неправомерно говорить о вещественных доказательствах, которые могут возникнуть только после возбуждения уголовного дела. На вопрос, относительно возможности применения государственного принуждения при получении образцов для сравнительного исследования, следует ответить отрицательно.

Именно по этой причине, привлечь лицо к уголовной ответственности за отказ от предоставления образцов для сравнительного исследования по ст. 308 УК РФ возможно лишь относительно лиц в соответствующем процессуальном статусе, который может возникнуть только после

возбуждения уголовного дела, на чём следует сделать акцент в ч. 1 ст. 202 УПК РФ для однозначного понимания и толкования со стороны правоприменителя.

Резюмируя сказанное, представляется целесообразным внести изменения в ч. 1 ст. 202 УПК РФ и изложить её в следующей редакции:

«Следователь вправе получить образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, а также в соответствии с частью первой статьи 144 настоящего Кодекса у иных физических лиц и представителей юридических лиц в случаях, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на определённом объекте, и составить протокол в соответствии со статьями 166 и 167 настоящего Кодекса, за исключением требования об участии понятых. Получение образцов для сравнительного исследования может быть произведено до возбуждения уголовного дела – в этом случае получение образцов для сравнительного исследования осуществляется на добровольной основе».

Истребование предметов или документов, в качестве способа проверки сообщения о преступлении, как видится, характеризуется добровольным характером передачи соответствующих предметов или документов – законом не предусмотрена какая-либо ответственность за их непредоставление.

Такая форма получения предметов или документов предполагает отсутствие конфликта и потому довольно проста в использовании на практике. В рамках истребования предметов или документов для проверки сообщения о преступлении обычно происходит получение сведений, имеющих косвенное, вспомогательное и ориентирующее значение для дела - в иных случаях, получить соответствующие предметы или документы целесообразно уже после возбуждения уголовного дела, в контексте производства следственных действий.

Изъятие же предметов или документов в контексте проверки сообщения о преступлении, как представляется, может иметь место лишь при производстве осмотра, освидетельствования или судебной экспертизы – тех следственных действий, осуществление которых до возбуждения уголовного дела разрешено законодателем. Соответственно, изъятие каких-либо предметов или документов оформляется в рамках протокола следственного действия.

Относительно такого способа проверки сообщения о преступлении, как исследование трупа, представляется целесообразным разграничить ситуации, с учётом положений ст. 196 УПК РФ, при которых должна назначаться судебная экспертиза трупа и ситуации, при которых возможно производство исследования трупа, путём внесения изменений в ч. 1 ст. 144 УПК РФ следующего содержания (выделено курсивом): «Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов (для решения вопросов, не связанных с установлением причины смерти), привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания

обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий».

Подобное дополнение позволит исключить необоснованное производство исследования трупа (в противоречии со ст. 196 УПК РФ), вместо производства судебной экспертизы трупа, создав достаточно чёткий критерий такого разграничения и позволит избежать дублирования процессуальных действий.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Бажутов С.А., Бажутов К.С. Вопросы соотношения судебной экспертизы и исследования трупа при проверке сообщения о преступлении // Законность. 2015. № 6. С. 35-38.
2. Белоковылский М.С. «Апатриды» уголовного процесса: проблемы правового статуса процессуальных действий, направленных на получение доказательств // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. 2009. № 1. С. 14-20.
3. Быков В.М. Права прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2013. № 4. С. 49-55.
4. Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 52-54.
5. Ващенко М.В. Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела при расследовании преступлений в сфере производства и оборота алкогольной продукции // Российский следователь. 2008. № 4. С. 21-25.
6. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики / Кожокарь В.В.: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 225 с.
7. Волколуп О.В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. 152 с.
8. Гаврилюк Я.П. Использование оперативно-розыскной информации при возбуждении уголовных дел: проблемы уголовно-процессуальной регламентации // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 2. С. 280-288.
9. Галушкин В.И. Правовые и криминалистические аспекты использования ревизий и иных проверок при выявлении и расследовании преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 25 с.

10. Григорьев В.Н. Постановление прокурора – новый повод для возбуждения уголовного дела? // Законность. 2011. № 8. С. 45-48.
11. Гришина Е.Б. Роль объяснений в системе доказательств на стадии возбуждения уголовного дела // Наука и практика. 2015. № 2. С. 33-37.
12. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 2000. 758 с.
13. Жамкова О.Е. Некоторые проблемы реализации правовых норм при проверке сообщения о преступлении // Российский следователь. 2014. № 9. С. 29-35.
14. Калюжный А.Н. Проверка сообщений о преступлениях: пути совершенствования // Lexrussica. 2015. № 7. С. 133-136.
15. Каретников А.С., Коретников С.А. Следственные действия как способы проверки сообщения о преступлении // Законность. 2014. № 7. С. 37-45.
16. Косенко А.М. Задачи и значение стадии возбуждения уголовного дела: вопросы теории и практики // Юридическая наука и правоохранительная практика. № 1 (43). 2018. С. 160-170.
17. Косенко А.М. О процессуальной форме получения объяснений // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 75-78.
18. Куликов А.В., Таранин Б.А. К проблеме формирования уголовно-процессуальных доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности // Российский следователь. 2007. № 3. С. 10-15.
19. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2017. 754 с.
20. Лазарев В.А. Возбуждение уголовного дела как акт реагирования на преступные посягательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 27 с.

21. Мамонов В.С. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты осмотра места происшествия в современных условиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 22 с.

22. Марковичева Е.В., Васюков В.Ф. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе: монография. М.: Проспект, 2016. 205 с.

23. Мартыненко С.Б. К вопросу о рассмотрении гласных начал уголовного судопроизводства в отечественной уголовно-процессуальной науке // Уголовно-процессуальное право: понятие, содержание, источники: Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Д.С. Карева (Москва, 23 - 24 марта 2006 г.). М. : Городец, 2006. С. 140-145.

24. Мартыненко С.Б. К вопросу об эволюции уголовно-процессуального регулирования предварительной проверки сообщения о преступлении // Lex Russica. 2018. № 7 (140). С. 97-102.

25. Машинская Н.В. Проблемы законодательного регулирования прав лиц, участвующих в проверке // Правовая парадигма. 2018. Т. 17. № 1. С. 148-153.

26. Михеева М.Ю. О правовом положении органов финансового контроля субъектов РФ // Российская юстиция. 2006. № 9. С. 65-69.

27. Николаева Т.Г., Никитин Е.Л., Ларинков А.А. Правовая природа результатов оперативно-розыскной деятельности и процедура их использования в уголовно-процессуальном доказывании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2. С. 305-310.

28. Овсянников И.В. Доказательственное значение актов ревизий и документальных проверок // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 4. С. 32-36

29. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1987. 780 с.

30. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7, июль, 2017.

31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1, январь, 2017.

32. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 г. «О едином учете преступлений» // Российская газета. № 13, 25.01.2006.

33. Приказ МВД России от 29.06.2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 35, 29.08.2005.

34. Приказ МВД России от 29.08.2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Российская газета. № 260, 14.11.2014.

35. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 12.05.2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» // Российская газета. № 186, 20.08.2010.

36. Приказ Минюста России от 11.07.2006 г. № 250 «Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах Уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях» // Российская газета. № 171, 05.08.2006.

37. Приказ СК России от 11.10.2012 г. № 72 «Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации» // Российская газета. № 48, 06.03.2013.

38. Приказ ФСБ РФ от 16.05.2006 г. № 205 «Об утверждении Инструкции по организации в органах Федеральной службы безопасности приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иной информации о преступлениях и событиях, угрожающих личной и общественной безопасности» // Российская газета. № 236, 20.10.2006.

39. Приказ ФТС России от 12.01.2007 г. № 23 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и проверки в таможенных органах Российской Федерации сообщений о преступлениях» // Российская газета. № 69, 04.04.2007.

40. Ряполова Я.П. Исследования предметов и документов как новая форма использования специальных познаний в стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2010. № 24. С. 2-7.

41. Стаценко В.Г. Объяснение как способ проверки сообщения о преступлении // Матрица научного сознания. 2017. № 11. С. 153-159.

42. Стельмах В.Ю. Объяснения в уголовном судопроизводстве: правовая природа, процессуальный порядок получения, доказательственное значение // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26, вып. 5. С. 148-158.

43. Судницын А.Б. Истребование и изъятие предметов (документов) при проверке сообщения о преступлении // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. № 4 (25). С. 89-103.

44. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела: Монография / Под ред. И.С. Дикарева. М.: Юрлитинформ, 2012. 197 с.

45. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

46. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592. (Акт утратил силу)

47. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. К.Ф. Гуценко. М.: Зерцало, 2007. 563 с.

48. Федеральный закон от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

49. Федеральный закон от 04.07.2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 27. Ст. 2706.

50. Федеральный закон от 09.03.2010 г. № 19-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 11. Ст. 1168.

51. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

52. Федеральный закон от 22.10.2014 г. № 308-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 43. Ст. 5792.

53. Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

54. Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи

с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» // Российская газета. № 296. 2010. 30 декабря.

55. Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды» // СЗ РФ. 2017. № 31. Ст. 4799.

56. Федеральный закон от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

57. Фролова Е.Ю., Горбань А.В. Правовая обеспеченность доказательственной силы объяснения в уголовном процессе России // Уголовное право. 2015. № 3. С. 110-115.

58. Халиков А. Собираание доказательств в ходе проверки сообщения о преступлении // Законность. 2013. № 12. С. 55-59.

59. Чабукиани О.А. Получение объяснения в ходе первоначальной проверки сообщений о преступлении // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3. С. 75-81.

60. Чернышев М.А. Осмотр места происшествия как базовая тактическая операция: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 23 с.

61. Шараева Я.А., Мандрыка Ю.С. К вопросу об изъятии предметов и документов при проверке сообщений и заявлений о преступлениях // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 1 (88). С. 29-35.

62. Яковлев М.М., Фёдоров И.К. Вопросы о понятии и значении стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России // Проблемы науки. № 3. 2018. С. 28-36.

63. Brown A. Criminal law and political liberalism // Journal of Criminal Law and Criminology, 2012.

64. Hart H. Criminal law in the modern world. New York, 2010.
65. Miller R. Criminal law and criminal procedure. San Francisco, 2008.
66. Rountree M.M. Criminals Get All the Rights: The Sociolegal Construction of Different Rights to Die // Journal of Criminal Law and Criminology, 2015.
67. Stewart C. Crime and punishment // Journal of Criminal Law and Criminology, 2002.
68. William J. Stuntz. The collapse of American Criminal Justice. 2011.